

Традиции кремлевского посольского обычая XV–XVII вв. в современной протокольной практике

Игорь Семенов,

начальник Управления протокола
Президента РФ (1997–2002 гг.)

В последние годы интерес читающей публики к истории внешней политики России возрос настолько, что любые ее аспекты становятся объектом пристального и, главное, заинтересованного внимания. Деидеологизация истории позволила взглянуть на многие проблемы более широко, выйдя за рамки советского периода. Это относится и к истории дипломатического протокола России.

При внимательном изучении документов российских архивов, зарубежных источников, дневников и мемуаров иностранных дипломатов и военных, побывавших в Москве в XV–XVII вв., становится ясно, что многие основополагающие принципы современного дипломатического протокола зародились именно в ту эпоху – в годы становления суверенного Московского государства.

Выяснить, что же сохранилось от посольского обычая эпохи Московского государства в современном дипломатическом протоколе России и других стран – вот задача, которую решает автор – кадровый дипломат, руководитель Управления протокола Президента РФ в 1997–2001 гг., Посол по особым поручениям МИД РФ в 2002–2003 гг. И.Н.Семенов.

Автор формулирует основные принципы современного протокола, применяемые практически всеми странами мира. Сплетение истории и современности позволяет читателю лучше разобраться в тонкостях дипломатической протокольной практике наших дней.

Этим предисловием наш журнал предваряет публикацию ряда статей, посвященных необычной теме – истории российской протокольной практики.

Редакция

На первый взгляд, казалось бы, что может сохраниться в современном мире от того образа жизни, тех обычаев, какие существовали в Московском государстве 500 лет назад. Но в этом и состоит интерес исследователя, задавшего себе этот вопрос и пытающегося найти на него ответ, листая пыльные страницы архивных документов, сохранившиеся записи Посольского и Разрядного приказов, читая мемуары и дневники иностранных дипломатов, купцов и военных, побывавших в Москве в XV–XVII вв. Сейчас, когда тема российской идентичности, богатейшая история нашей страны вызывает в российском обществе все больший интерес, исследование исторических начал и в столь специфической области, как дипломатический протокол, несомненно заслуживает самого пристального внимания.

Изучение темы традиций кремлевского посольского церемониала является попыткой найти истоки современной дипломатической практики, проследить генезис посольских обычаев на протяжении длительного периода российской истории и определить то общее, что связывает прошлое и настоящее дипломатического протокола.

Удивительно, но, чем больше читаешь материалов из российских и зарубежных источников, относящихся к прошлому нашего государства, тем больше находишь общего в подходах “протокольников” Московского княжества и современной России к приему иностранных гостей. Благодаря сохранившимся и дошедшим до нас довольно многочисленным мемуарам и дневникам побывавших в средневековой Москве иностранцев, а также отчетам московских посольств в другие страны – “статейным спискам”, материалов для сравнительного анализа предостаточно.

Воспоминания и отчеты дипломатов остаются, пожалуй, единственным источником, доносящим до нас дух времени, рисующим живую, повседневную жизнь боярской Москвы, сохранившим для нас слова, мысли и поступки наших предков – бояр, дьяков и подьячих кремлевского Посольского приказа и простых горожан. Именно они были создателями придворного посольского церемониала – образа современного дипломатического протокола.

Основные его элементы, закладывавшиеся во второй половине XV в. при Иване III, сложились в стройную систему протокольных норм “посольского обычая” в начале XVI в. при его сыне Василии III. Собираение разрозненных частей русских земель в единое государство, утверждение за Москвой роли преемника Византийской империи, образа твердыни православия, выход Московского государства на международную арену, женитьба Ивана III на племяннице последнего византийского императора, все эти факторы вынуждали московских великих князей и их придворных в короткое время выработать такую внешнюю политику и соответственно такой посольский церемониал, который бы отвечал возросшему значению Руси и новому образу его великих князей.

Патриархальный домашний стиль общения с иностранными послами, существовавший еще во второй половине XV в. при Иване III, уже не годился. Статус русского государя, выросший в XV в. в глазах иностранцев многократно, не позволял следовать старым упрощенным схемам посольского церемониала. Требовались церемониальные нормы, соответствующие внешнеполитическим задачам московских государей. И, естественно, что боярский Кремль перенимал все самые достойные, отвечавшие его пониманию величия русского государя, нормы из церемониальной посольской практики, доступные в то время Москве.

На протяжении XV–XVII вв. придворный посольский церемониал, как часть кремлевских церемониалов, сложился в систему правил, обрядов, традиций, которые нигде не будучи прописаны, тем не менее соблюдались неукоснительно, до малейшего слова и жеста.

Посольский церемониал этого периода всегда оставался инструментом достижения конкретных внешнеполитических целей. Любой элемент придворного церемониала был продуман до мелочей, оставаясь, с одной стороны, строго зарегламентированным, а с другой – подвижным, “модульным”. В каждом конкретном случае при приеме представителя той или иной страны применялся свой набор определенных “модулей”. “Модульный” метод использования протокола остается актуальным и в настоящее время.

В посольском обычае Кремля прослеживаются основополагающие принципы, на которых строится вся современная протокольная практика. Как показывает сравнительный анализ при изучении российских и европейских средневековых посольских церемониалов, без всяких сомнений формирование общих краеугольных принципов в качестве основы дипломатического общения шло одновременно как в Европе, так и в Московском государстве. Причем их совершенствованию в немалой степени способствовал интенсивный дипломатический обмен, развернувшийся между Москвой и столицами европейских монархий со второй половины XV в., то есть со времени окончательного освобождения Руси от татаро-монгольского ига.

Немаловажная причина схожести московских и европейских подходов к посольским церемониалам кроется и в том влиянии, которое на их становление оказывал

богатый опыт, накопленный Византийской империей, являвшейся наследницей традиций Древнего Рима. Жесткая борьба придворных дипломатов разных стран за то, чтобы ни в коем случае не допустить умаления чести своего государя, неизбежно приводила к нахождению компромиссных решений, устраивавших обе стороны. Итогом многовековой полемики стали выработка и применение на практике ряда базисных протокольных норм, просуществовавших века и сохранившихся до наших дней.

Как 500 лет назад, так и теперь непреложным остается требование неукоснительного соблюдения церемониально-протокольных норм в международной практике межгосударственной дипломатии. Отступление от них или целенаправленное нарушение может нанести ущерб престижу другого государства, чести его руководителя, негативно отразиться на взаимных отношениях в целом^{1,2}.

Основополагающим принципом, на основе которого и выросли русский посольский обычай и зарубежный церемониал, является **принцип международной вежливости**.

Все средневековые и современные протокольные нормы межгосударственных отношений так или иначе исходят из этого принципа. Нормы международной вежливости регламентируют любые вопросы межгосударственных отношений¹.

Прежде всего, это – государственная символика (в средние века – титул монарха, сейчас – флаг, герб, гимн); отношение к официальным представителям государства (в средние века – к послам, посланникам, гонцам, сейчас – к официальным лицам страны любого уровня); реагирование на те или иные события в дружественном государстве (в средние века – кончина монарха или вступление на престол, в современности также и национальный празд-

ник, стихийное бедствие, катастрофа и др.); церемонии встреч и проводов представителей иностранных государств (в средние века – только посольств и отдельных дипломатов, в настоящее время – официальных делегаций); вручение верительных грамот (в средние века “верящих” грамот), дипломатических переговоров (“сидение у бояр в ответной полате”); заключение соглашений (“крестное целование докончальной грамоты” или, если это мирное соглашение, – “перемирной грамоты”, а также присяга на Евангелии); обмен подарками (в средние века – красочная и торжественная передача “поминок”, сейчас – упрощенная, но все же сохранившаяся традиция), торжественный обед у главы государства (“государев стол” в Кремле или на посольском подворье).

В древности иностранные дипломаты, въезжавшие в пределы Московского государства, сразу ощущали на себе внимание великокняжеского, а позднее царского двора. Навстречу им направлялся специальный чиновник – “пристав”, как правило, “дворянин, человек старый и роду честного”³. Пристав обязан был сопровождать иностранное посольство до Москвы и следить за тем, чтобы по пути от границы до столицы послам “безчестья никакого не было, чтоб им во всем было честно”⁴. Все члены посольства сразу брались на “государево содержание”, им выдавались “корм по розписи” и питье (мед, пиво, вино).

Примером такого заботливого внимания к иностранным дипломатам может служить, например, отношение Кремля к посольству персидского шаха в 1589–1590 гг., когда в Нижний Новгород, где была сделана остановка на пути из Астрахани в столицу, специально “меды красные про кызылбашских послов с Москвы посланы”⁴.

В понятие международной вежливости в те времена, также как и сейчас, в отношении приема послов входило предоставление принимающей стороной средств транспорта (подводы, лошади, “кореты”, сейчас – автомобили), а также мест для отдыха и ночлега.

Когда послы в чем-то ощущали нужду и хотели заплатить сами, то получали от

русских такой ответ, какой приводит в своих воспоминаниях императорский посол Сигизмунд Герберштейн, приезжавший в Москву в 1516–1517 гг. Ему посоветовали не тратить свои деньги, потому что, как сказали приставы, “мы обещаем содержать вас точно также, как вы содержали наших людей в ваших странах”⁵.

Кремлевский двор уже тогда понимал, что соблюдение определенных правил вежливости и гостеприимства в отношении приезжающего посольства является обязательным. Более того, форма приема иностранного посольства может превратиться в дипломатический инструмент, которым можно воспользоваться для демонстрации государю, приславшему посла, отношение к нему Кремля.

Такой же нормой вежливости, святой и неукоснительно соблюдавшейся боярской дипломатией в XV–XVII вв., был веками отработанный церемониал первой “встречной” аудиенции у великого князя.

Так, он сам должен был с непокрытой головой, и обязательно привстав с трона, поинтересоваться у посла о здоровье приславшего его монарха, после чего принимал “верящую” грамоту и допускал его к своей руке.

Обязательным было также требование, чтобы во время прощальной – “отпускной” аудиенции великий князь передал поклон монарху, направившему посла в Москву.

Такого же отношения Кремль требовал и от иностранных дворов. Нарушение этой нормы считалось оскорбительным и вызывающим. Любые нарушения церемониальных правил иностранным двором в отношении московского посла рассматривалось в Кремле, как попытка умалить достоинство русского государя. С послом монарха, допустившего такое обращение с московским посланником, Кремль расплачивался “той же монетой”.

Князь Мосальский, присланный в Москву польским королем в 1487 г., не спросил великого князя о его здоровье и не привез ему от короля подарков – за это и Михаилу Еропкину, посланному в 1488 г., не было наказано спросить польского короля Казимира о его здоровье и поднести ему подарки. Отпуская Еропкина, король не передал великому князю поклон. Тогда и Иван III, отпуская Мосальского, так же не передал поклона королю.

Такой же казус имел место и в отношениях Москвы с сыном австрийского императора Фридриха III королем Римским Максимилианом: в 1492 г. Иван III, отправляя к нему посла, не приказал передать ему поклона, так как его посол “не правил поклона” великому князю от короля. И, наоборот, в 1490 г., когда посол Траханиот, отправленный Иваном III к императору, донес, что тот оказал ему великую честь, выслав своих вельмож за пять верст навстречу, а на аудиенции император “сам встречал его, ступив со своего места ступени три, четыре, да руку подавал стоя”, а затем “посадил против себя на скамейке близко”, то и Иван III приехавшему послу Георгу фон Турну оказал такие же почести: выслал ему на встречу придворного Юрия Хозяка, стоя подал послу руку и посадил его “около себя близко на скамейке”. Равным образом великий князь Василий Иванович принимал в 1516–1517 гг. императорских послов Сигизмунда Герберштейна и графа Нугароля совершенно также, как ранее московского посла Племяникова принял в Инсбруке император.

И в XVII в. при Романовых продолжали строго следить за отношением к нашим представителям за границей и принимали меры, чтобы обращением с ними ни в чем не была умалена честь пославшего их государя. В 1613 г. австрийский император, принимая московских послов Степана Ушакова с дяком Заборовским, при имени государя не встал, а лишь “маленько приклонился и шляпу сымал”, а отпуская их, “приказывал к государю челобитье сидя”. То, что Ушаков и Заборовский не возразили против этого, было им после возвращения в Москву поставлено в вину, а посланному к императору в следующем 1614 г. послу Ивану Фомину был дан подробный наказ,

что делать и что говорить, чтобы не допустить подобного умаления чести своего государя⁶.

Абсолютно такое же значение принципу вежливости придается в настоящее время.

Как писал признанный специалист в области дипломатического протокола Ф.Ф.Молочков: “Если известный афоризм Сервантеса – “ничто не дается нам так дешево и ничто не ценится так дорого, как вежливость” – имеет общечеловеческое значение, то для дипломата или другого лица, участвующего “в сфере международной”, вежливость – неременная норма дипломатического протокола”¹.

Соблюдение почтительности и уважения всего того, что символизирует и представляет государство, объединяемое в понятие принципа международной вежливости, было и остается основой отношения разных стран к приему иностранных делегаций. В современной протокольной практике это выражается, например, в ненавязывании гостю своих представлений и норм, внимательное отношение к его пожеланиям. При тщательном и кропотливом согласовании протокольных церемоний и в настоящее время определяются все нюансы, начиная от предоставления транспорта, питания, охраны и заканчивая порядком встречи и проводов, церемониями приема у главы государства, вручения верительных грамот, торжественных обедов и собственно переговоров.

Вторым краеугольным принципом, который зародился в средние века и остался в современной протокольной практике, является **территориальный принцип**. Он означает, что в основе дипломатического церемониала страны лежат национальные особенности, характерные только для данного государства. При наличии общепринятых и

непреложных элементов, как, например, вручение послом “верящих” грамот в руки монарха, территориальный принцип в средние века подразумевал использование в каждой стране своих собственных церемониальных норм, не похожих на зарубежные.

Во Франции, например, это приглашение посла на утренний королевский туалет⁷; в России – царский стол “подчивание”; в Китае – церемония “кэтоу”, предусматривавшая в ходе аудиенции у богдыхана поклоны, “пад на колена, головою до земли, трижды по трижды”⁸.

Иностранным дипломатам, судя по их воспоминаниям, в Московии крайне не нравились такие специфические нормы русского посольского обычая, как непременно снятие головного убора перед боярами и дьяками, представлявшими великого князя, обязательное повторение при каждом упоминании имени великого князя (позднее царя) и его полного титула.

В то же время, нельзя сказать, что московских послов радовала необходимость, находясь в Китае, исполнять церемонию “кэтоу”. К стати эта норма средневекового китайского протокола как нельзя лучше демонстрирует плюсы и минусы территориального принципа. Естественно, что русские послы, приезжавшие в Китай, считали такую церемонию унижительной, прежде всего из-за того, что она могла затронуть честь государя. Известно, что китайцам огромных трудов стоило уговорить русских послов согласиться исполнить эту церемонию.

Так, посольство в Китай Николая Спафария (1675–1678 гг.) чуть не сорвалось из-за упорного нежелания посла падать на колени и кланяться богдыхану. А приезжавший до него посол Федор Байков вынужден был из-за этого вернуться в Москву, так и не выполнив поручение.

В современной протокольной практике территориальный принцип по-прежнему применяется и соблюдается всеми сторонами.

В Швеции, например, это обязательное требование, чтобы официальные гости во время визита размещались в королевском дворце; в США и Канаде – в личных резиденциях руководителей этих стран; в странах Юго-Восточной Азии – обычай надевать на гостей летние рубашки национальных расцветок и гирлянды из цветов; в Индии – снятие обуви при посещении могилы Махатмы Ганди; в Польше – возложение венков к трем могилам, павших во Второй мировой войне; в Северной Корее и Вьетнаме – посещение мавзолеев бывших лидеров этих стран; в Великобритании – предоставление гостю кареты для приезда на аудиенцию к королеве.

В любом случае в наши дни территориальный принцип в протоколе разных стран предусматривает применение норм, отдающих дань национальным традициям, а не прихотям того или иного чиновника. Именно поэтому, в отличие от периода XV–XVII вв., протокольные службы различных государств терпимо и благосклонно относятся к подобного рода пожеланиям принимающей стороны.

Следующим принципом, зародившимся в средние века и остающимся в практике наших дней, является важный принцип взаимности.

В XV–XVII вв. он позволял московскому дипломату требовать от двора иностранного монарха предоставление ровно такого же “набора” знаков внимания к послу и в его лице к государю, его направившему, какой был оказан ранее послу этого монарха в Москве, и наоборот. Нарушение принципов взаимности в любых церемониальных нюансах рассматривалось как демонстративный жест, свидетельствующий об изменении в ту или иную сторону отношения к послу лично, либо к государю, его направившему.

Наглядным примером, рисующим, как на практике выглядело использование прин-

ципа взаимности, может служить существовавший преимущественно в XV–XVI вв. обычай приглашать иноземного посла к царскому столу. Причем этот обычай существовал и при ряде европейских и азиатских дворов. Само приглашение к столу во дворце было “честью” для посла, а отсутствие такого приглашения – “безчестием”⁹.

Русские дипломаты, направленные в посольства ко дворам иноземных монархов, в обязательном порядке требовали (на основе взаимности, так как это было в московском обычае) приглашения их к столу монарха.

В Праге, например, им неоднократно вынуждены были объяснять, что “у римских цесарей изначала того в обычае не ведется, что послов звати ести”.

В Москве неприглашение к царскому столу было демонстрацией негативного отношения к послу или к его монарху. Зная это, литовский гонец, например, в 1584 г. “в хоромах заперся” и отказался даже видеться с русскими приставами “за то, што государь ево не звал ести”⁹.

Еще в большей степени московские послы требовали соблюдения взаимности во всех нюансах церемоний “встречной” и “отпускной” аудиенций.

Когда в 1567 г. направленный в Швецию московский посол И.М.Воронцов столкнулся с требованием шведов еще до аудиенции у короля начать переговоры с его советниками, он ответил, что “...прислал нас государь наш к королю, а не к советникам его”, “не бывав нам у короля, к советникам не хаживати”.

Когда же Воронцов добился приема у короля, шведы вновь попытались нарушить обязательный и принятый в посольском церемониале того периода обычай, согласно которому принимающий монарх лично должен был на первой аудиенции поинтересоваться здоровьем московского государя, а на последней – передать ему поклон. Первый королевский советник попытался, якобы от имени короля, поинтересоваться здоровьем московского государя, на что московский посол заявил: “Яз у короля того не слышу, чтоб он о государя нашего здоровье спрашивал”, добившись в ре-

зультате того, что хотел – “король учал про царево и великого князя здоровье сам спрашивати”¹⁰.

Гонец к императору Священной Римской империи К.Скобельцин в 1573–1574 гг. заявлял: “И то не ведетца, что мне, великого государя, царя и великого князя, гонцу, не видев цесаревых очей, доехать к государю своему”.

А в 1585 г. царь Федор Иоаннович в своей грамоте английской королеве Елизавете открыто возмущался тем, что русский гонец был на отпуске (то есть на последней аудиенции) не у самой королевы, а у канцлера: “И то, где слышно, что гонцов ко государем отпускати и поклон к нам, к великим государям, приказывати писарем, а не государю к государю приказывати”¹⁰.

Мы видим, как тщательно русские послы соблюдали принцип взаимности, ведь его нарушение означало бы нанесение оскорбления чести государю, да и влекло за собой возможную опалу допустившего такое посла. В Разрядных книгах сохранилось немало примеров, как за нарушение царских указаний послов били в Кремле батогами и отправляли в ссылку.

В то же время всякая принципиальность в вопросе о взаимности улетучивалась, как только этого требовали серьезные внешнеполитические задачи. После кончины царя Ивана Грозного и вступления в 1584 г. на престол слабого Федора, Москва делала все, чтобы продлить перемирие с поляками и не допустить начала новой войны.

С этой целью русскому послу Андрею Измайлову, посланному к королю Стефану Баторию, был дан наказ “вести себя умеренно, уступать относительно церемоний: к панам не ходить, грамоту отдать самому королю; но если будут упрямыться, станут непременно требовать, чтоб ему быть у панов, то ему к панам идти, только речей не говорить и грамоты верющей не давать”¹¹.

В современной протокольной практике принцип взаимности является од-

ним из самых используемых. Конечно, он употребляется в тесной увязке с территориальным принципом. Приезжающий гость может требовать на основе взаимности всего, но, только не нарушая национальных традиций (территориального принципа). Глава иностранной делегации или посол вправе рассчитывать на прием такого уровня, какой удаивались прежде представители принимающей страны в стране гостя. На основе взаимности решается и масса других вопросов (предоставление гостю транспорта, соответствующей резиденции, питания, охраны, количества мест за столом переговоров и приглашенных на торжественный обед и т.д.).

Стоит отметить, что и сейчас принцип взаимности часто используется той стороной, которая хочет добиться для себя больших уступок, чем предлагает другая сторона, считающая территориальный принцип важнее.

Одним из наиболее древних сохранившихся в протоколе до наших дней является **принцип прецедента**.

Московские бояре и посольские дьяки на протяжении веков очень внимательно отслеживали появление любых новых элементов в церемониалах зарубежных государств, относящихся к приему московских послов, фиксируя их в посольских отчетах ("статейных списках"). Одновременно в книгах Посольского и Разрядного приказов отмечались малейшие детали организации пребывания в Москве иностранных гостей. В последующем созданный когда-то прецедент рассматривался как норма, обязательная для дальнейшего использования в кремлевской посольской практике.

Именно на основе принципа прецедента в Московском государстве опре-

делялся церемониальный порядок приема иноземного посла.

Например, в 1683 г. при регентше малолетних царей Ивана и Петра царице Софье Посольский и Разрядный приказ, получив указ подготовиться к встрече "великих и полномочных послов свейского Карлуса короля", тщательно изучили архивные материалы.

Только проанализировав соответствующие прецеденты, созданные при встречах как шведских, так и польских, персидских, голландских послов за последние 10 лет, Кремль принял окончательное решение.

"И великие государи и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич, всеа Великия и Малыя и Белья России самодержцы указали тех свейских послов встретить за Тверскими воротами в тех местех, где наперед сего встречали свейских же великих послов. А на выезде быть стольником, и стряпчим, и дворяном московским, и диакон, и жильцом, и всяким приказным людем, и полковником с стрелецкими приказами во всем противу выезду, как был против свейских же великих послов Густава Оксенстерна с товарищи..."¹².

Вот еще один пример из истории польского обычая XV–XVII вв.

В 1566 г. русские приставы при польском посольстве сообщили царю Ивану Грозному о том, что послы вместо того, чтобы выехать в Кремль на встречу с царем в назначенное время, отправились слушать "обедни у своих попов". Возмущенный царь "поговорил з бояры" и постановил, что "у прежних послов того в обычае не было" и "то они делают не попригожу, что государь долго ждет". Поэтому решили, что царю следует также отправиться в Благовещенский собор "слушать обедни", а послов, когда они придут во дворец, провести не самым почетным путем и поместить в одну из палат, где они и будут дожидаться приема у государя, пока "обедню отпоют"⁶.

Когда в 1570 г. ситуация повторилась и в назначенное для приема у царя время польский посол "учал молиться", бояре вспомнили о прецеденте четырехлетней

давности и “приговорили” преподать тот же самый урок¹⁰.

Принцип прецедента используется в протокольной практике и в наши дни. В ходе переговоров о предстоящем визите руководителей своего государства дипломаты и работники протокольных служб нередко ссылаются на опыт предыдущих визитов. Когда одна сторона по каким-либо причинам отходит от церемониального опыта прошлых лет, другая, если это ей выгодно, тут же вспоминает принцип прецедента. Это касается, например, место проживания руководителя государства во время визита, количества сопровождающих лиц, участвующих в переговорах, мест их проведения и т.д. Отступление от прецедента вызывает определенную настороженность и законное требование пояснить причины этого. Каждая из сторон при этом соблюдает свои интересы, опасаясь, как и в старину, “ни в чем государеву честь не умалить”.

Не менее древним принципом, является принцип (или правило) **правой руки**, который означает, что место по правую руку хозяина почетнее места по левую руку. Естественно, что в средние века этот вопрос нередко становился предметом ожесточенных споров между представителями разных стран. Любопытно, как решался этот вопрос в Москве в XV–XVI вв..

По наблюдениям голштинского посла Адама Олеария, побывавшего дважды в Московском государстве в 30-х годах XVII столетия, “вообще же русские, если три или более человек идут или едут рядом, считают высшим местом то, на котором правая рука наружу и свободна, (то есть никого нет правее)”¹³.

Трудно согласиться с послом, по мнению которого это чуть ли не исключительно русский обычай.

Во все времена и в разных странах сидеть по правой руке хозяина считалось более почетным. Этот обычай родился во времена непрекращающихся войн, когда наличие меча у мужчины было гарантией его безопасности.

Оставлять правую руку свободной означало возможность быстро и без помех выхватить меч и вступить в бой. Сажать же по правую руку по той же причине, можно было только человека, которому хозяин полностью доверяет и который не помешает, в случае необходимости, вытащить из ножен меч¹⁴.

Во время торжественных встреч иноземных послов близ Москвы и их сопровождения в Кремль велись бесконечные споры с русскими приставами о том, кому ехать по правую руку.

Ни одна, ни другая сторона не уступали.

Посольские дьяки нашли гениально простое решение – высыпали двух сопровождающих, которые ехали и по правую, и по левую стороны послов.

Когда гость ехал в санях или в карете, то, как правило, с правой руки от него сидел все же русский пристав.

Что касается расадки за “государевым столом”, то в XV–XVII вв. этот принцип применялся неукоснительно: как и при организации приемов в наши дни, почетнее (“честнее”) являлись места, находившиеся ближе к царю и те, что расположены по его правую руку. Было одно важное отличие – государь никогда не сидел за общим столом. Между столом великого князя, находившимся ближе других, и столами гостей “с той и с другой стороны оставлено было столько расстояния, сколько пространства мог бы он захватить, если бы протянул руки”⁵.

В настоящее время правило правой руки строго соблюдается протокольными службами всех стран мира. Его нарушение в деловом или бытовом этикете может означать только одно – желание продемонстрировать соответствующее отношение хозяина к гостю.

Как показало изучение московского посольского обычая XV–XVII вв., в меньшей степени тогда были задействованы еще два принципа, применяемые в современной протокольной практике. Речь идет о **принципах очередности и единообразия**.

В соответствии с первым определяется порядок визитов глав государств и других официальных представителей в зарубежные страны. Нарушение этого принципа допускается в редких случаях, вызванных какими-либо серьезными обстоятельствами, например, осложнением международной обстановки в целом или в одном из регионов, а также необходимостью в срочном порядке обсудить проблемы в двусторонних отношениях.

Порядок визитов посольств разных стран друг к другу в XV–XVII вв. определялся, как правило, необходимостью проведения переговоров о мире или перемирии, о военном союзе или взаимопомощи. Посольства направлялись также для информирования дружественных государств о кончине монарха и о вступлении на престол нового государя.

Известен пример направления Москвой в 1613 г. целой серии посольств в крупнейшие европейские державы с сообщением об окончании Смуты и воцарении в Кремле первого из династии Романовых – царя Михаила Федоровича.

Обычной международной практикой в тот период было отправление вместе с окончившим свою миссию посольством другой страны собственных послов, которые везли с собой ответы на переданные монархом другой страны предложения. Конечно, этот порядок не был связан только с посольским обычаем, а вызывался и необходимостью облегчить тяготы поездки для своего посольства.

Если сейчас принцип единообразия понимается, в том смысле, что одинаковый набор протокольных норм должен применяться для руководителей и официальных представителей одного

ранга любой страны, то в средние века как в Москве, так и в других государствах существовал несколько иной подход. С одной стороны, использовался похожий на нынешний порядок применения строго определенных церемониальных мероприятий в отношении дипломатов разного ранга: послов, посланников, гонцов (из католических государств во главе посольств направлялись также нунции и интернунции). Для представителей разных государств предусматривался в целом одинаковый порядок пребывания в Московском государстве. Это относилось и к уровню встречающих и сопровождающих посольство кремлевских служителей, и к его размещению и обеспечению, и к церемониалам встреч, проводов, аудиенций и переговоров.

С другой стороны, в посольском обычае XV–XVII вв. существовала четкая градация государств, из которых приезжали посольства, по степени их значения для внешней политики Москвы. Такая же градация применялась и в отношении посольств, присылавшихся из этих стран.

Так, на первом месте по уровню приема в Москве стояли послы императора Священной Римской империи, затем Польши, Англии, Швеции, Дании, Нидерландов и так далее, заканчивая послами “ногайскими” и “калмыцкими”²³.

Вот как об этих различиях в уровне приема послов разных стран в Москве писал в 1666 г. подъячий Посольского приказа Григорий Котошихин (по указу царя Алексея Михайловича за ошибку в грамоте в написании царского титула битый батогами и бежавший затем в Польшу и Швецию): “А как бывают на Москве цесаря Римского послы, также Полского, и Аглинского, и Датцкого королей, и Турские, и Пер-

ситские: и им бывает приниманье и честь во всем против того ж, что и Свейским послом; только Цесарским послом и Полским и Аглинским бывает перед Свейскими послами прибавка в естве и в питье, да рынд* бывает по шесть человек; а посланником и гонцом всех тех вышписанных государств ... бывает против того, как писано выше сего во всем”³.

Элементы такого подхода можно встретить и в современной практике. Если готовится визит главы крупного, дружественного государства или если главы государств связаны взаимной симпатией, то в применяемый набор единообразных церемоний обязательно добавляются нюансы, отличающие этот визит от обычных визитов подобного уровня.

Таким образом изучение истории формирования русского посольского обычая XV–XVII вв. не носит сугубо научный характер. Сравнительный анализ помогает понять истоки многих составляющих современной протокольной практики. Более того, знание истории такой специфической области, как дипломатический церемониал, может помочь в создании самобытного российского протокола наших дней, обогатить его многими ценными элементами.

Примечания

- ¹ *Молочков Ф.Ф.* Дипломатический протокол и дипломатическая практика. М.: Международные отношения, 1979. С. 6–7, 14.
- ² *Лядов П.Ф.* История русского протокола. М.: Международные отношения, 2004. С. 98, 98–99.
- ³ *Котошихин Г.К.* О России в царствование Алексея Михайловича. Современное сочинение Григория Котошихина. СПб., 1884. С. 66–78.
- ⁴ *Бушев П.П.* История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1506–1612 гг. М.: Наука, 1976. С. 125.
- ⁵ *Герберштейн С.* Записки о московитских делах. СПб., 1908. С. 198, 204.
- ⁶ Московский Кремль в старину и теперь. Сост. *Бартнев С.П.* Кн. 2. М.: Изд. Министерства Императорского Двора, 1916. С. 135, 343.
- ⁷ Русский дипломат во Франции (записки Андрея Матвеева). Л.: Наука, 1972. С. 80.
- ⁸ *Идес И., Бранд А.* Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695 гг.). М.: Гл. редакция восточной литературы, 1967. С. 332.
- ⁹ *Юзефович Л.А.* Из истории посольского обычая конца XV – начала XVII вв. (Столовый церемониал московского двора). Исторические записки. М.: Наука, 1977. С. 331.
- ¹⁰ *Шмидт С.О.* Российское государство в середине XVI столетия. М.: Наука, 1984. С. 100, 101, 107.
- ¹¹ *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М.: Фолио, 2001. Кн. 4. Т. 7. С. 267.
- ¹² *Новохатко О.В.* Записные книги Московского стола Разрядного приказа 17 века. М.: Памятники исторической мысли, 2001. С. 206.
- ¹³ *Адам Олеарий.* Описание путешествия в Московию. Смоленск: Русич, 2003. С. 45.
- ¹⁴ *Семенов И.* У истоков кремлевского протокола. М., Интербук, 2005. С. 16.

* Рынды – охранники из кремлевских придворных, стоявшие у царского трона с оружием при торжественных мероприятиях, в том числе встречах послов.